

С наступающим Новым годом Вас, работники "Белавиа" и все дорогие мои сограждане! Вживаем!

Александр СИЛИЧ

СПОВЕДЬ

За чужыя слёзы

Прохлада гостеприимства отеля

В Квебеке открывают свой четвертый сезон отель, сооруженный из льда и снега. Это единственная гостиница такого рода в Северной Америке.

Гостиница, расположенная в получасе езды от столицы Квебека, города Квебек-Сити, почти готова и в начале января примет первых гостей. В ней 32 комнаты, два выставочных зала ледяных скульптур и два бара, где наибольшим успехом пользуется водка и разные коктейли с нею. Есть кинотеатр и маленькая цер-

квишка, где венчаются романтики. Температура в комнатах — от минус двух до минус пяти. Кровать, как и вся прочая мебель в номерах, сделана из льда. Служащие — ледяные статуи и матрасы, на которых брошены медвежьи шкуры.

Сколько стоит нечто такого удовольствия? "Зависит от того, какой пакет услуг вы берете," поясняет Эмели, принимающая заказы. — Если заказать еду — обед, ужин, завтрак и коктейли, выйдет на одного человека по 269 долларов США плюс налог. Так что выходит немного за 300".

Воск так сушат на пляжах Австралии. Новый год многие европейцы, являясь гостями холодной страны, выехали на отдых в теплые страны.

Присвоил 500 миллионов долларов

Основатель пришедшего концерна Parmalat Калесто Танчи признался миланской прокуратуре в растрате крупных денежных средств из фондов компании, которая в итоге привела к одному из крупнейших банкротств в Италии за последние годы. В начале скандала он заявил о присвоении незначительной суммы

денег, а теперь, как сообщается, признался в растрате 500 млн. евро в течение почти восьми лет.

Пришедший концерна Parmalat, имеющий филиалы в 30 странах мира, объявил о своей несостоятельности и был официально признан банкротом после того, как была обнаружена недостача в 500 млрд. евро.

В объятиях мертвой матери

Спасатели обнаружили под руинами одного из домов в городе Бам живую полутопленную девочку, закутанную в объятия своей мертвой матери, передает Reuters. Состояние ребенка, на удивление врачей, оставалось вполне нормальным.

Спасатели обнаружили под руинами одного из домов в городе Бам живую полутопленную девочку, закутанную в объятия своей мертвой матери, передает Reuters. Состояние ребенка, на удивление врачей, оставалось вполне нормальным.

Землетрясение силой 6,3 балла по шкале Рихтера признали самым разрушительным в мире за последние 10 лет. Представители иранских властей опасаются, что число его жертв может достигнуть 70 тысяч.

Вашингтон требует

Министр национальной безопасности США Том Ридж призвал иностранные авиакомпании всего мира усилить меры безопасности на всех своих рейсах, следующих в Америку. Минис-

терство разослало уведомления авиакомпаниям о необходимости нахождения на их рейсах, следующих в США, через или обратно, вооруженных представителей государственных правоохранитель-

ных органов стран. Компания "Аэрофлот" — Российский авиалинии — также получила соответствующее уведомление.

В точности как ЦК КПСС

Газета "Файеншл таймс", посвящая статью о политической ситуации в России после парламентских выборов и тому, как ее видит один из старейших либералов в Москве Александр Яковлев.

Бывший член политбюро и соратник Горбачева считает прошедшие выборы серьезным шагом к демократии. "Как будто гигантская статуя Сталина размерами в страну разбилась на мелкие кусочки, на мелких диктаторов, бывших членов советской номенклатуры, ко-

торые быстро приспособились и теперь сидят в парламенте — архаичные люди, которые не понимают, как можно жить в демократии," — цитирует "Файеншл Таймс" Александр Яковлев.

Яковлев возлагает большую часть вины, пишет газета, на президента Путина и озлобленность центральных властей в руках президента. "Предполагается, что кремлевская администрация должна просто помогать президенту в его работе. Вместо этого она превратилась в невыборный орган реальной власти в стране, в точности как ЦК КПСС."

Как это делалось в Третьем рейхе

Сущностной чертой демократических систем является, как известно, принцип обратной связи. Правящие элиты отслеживают настроения в обществе и учитывают их при выработке (корректировке) политических решений.

Индикаторы общественных настроений служат результатам выборов, опросов общественного мнения и т.д. А возможность открытого проявления настроений обеспечивает свободу слова, печати, союзов, собраний и демонстраций, реальную многопартийность, проведение альтернативных выборов и т.д.

В тоталитарных системах, где свободы выражения мнений не существует, правители, однако, тоже хотят знать, что думают управляемые о них и их политике.

Потребность в такого рода информации ощущали и руководители нацистской Германии. Несмотря на массивную пропаганду, изолированную систему контроля, репрессии и пр., им не удалось добиться "единогласия нации", автоматического одобрения любой осуществляемой мерой. Поэтому задача выявления общественных настроений, реакции населения на проводимую политику оставалась весьма актуальной.

Самсон МАДИЕВСКИЙ

Кто и как отслеживал настроения в обществе

С этой целью была задействована разведка, в задачу которой входило вскрывать государственные, партийные и политические органы, поставившие руководство рейха "отчеты о ситуации".

По сложившейся ранее традиции месячные или двухмесячные отчеты направлялись в Министерство внутренних дел руководители земельных (в Пруссии — провинциальных) администраций. Характер их был объективным, лишенным идеологической окраски; комментарии или обобщающие резюме отсутствовали.

На судьбе этого источника информации отразилось нарастающее соперничество между различными ведомствами Третьего рейха. Министр внутренних дел Вильгельм Фюрер стремился сосредоточить в своих руках контроль над сферой внутренней безопасности, отнесенной к заданиям гестапо (последнее с сентября 1933 г. начало представлять руководство рейха собственными силами). В то же время он стремился к монополизации информации, подорвавшей миф о монолитной "немецкой народной общности", сплоченной вокруг фюрера.

Отчеты о настроениях населения представляли и партияльные функционеры, от руководителей их к крайисполнителям и гауляйтерам (партийным вождям районов и округов). Эти отчеты стекались в канцелярию НСДАП к заместителю Гитлера по партии Рудольфу Гессу. Соединением партийных характеристик режима круг, который подлежал освещению, все более расширялся, охватывая постепенно все сферы жизни общества. Поскольку партия стремилась "изменить характер немецкой нации", она должна была держать руку на пульсе общественных настроений. Гесс требовал, чтобы в основе отчетов лежали надежные, точные сведения о "жаждожа и недовольствах населения; всех производств, имеющих политическое значение; отношении населения к

внешнеполитическим событиям; службе; месту партия в жизни нации; доверии к ней" и т.д. Но информация, поставленная партией, была, конечно, идеологически окрашена.

Ведомственное соперничество проявлялось и здесь. Свидетельством является распоряжение Гесса от декабря 1934 г. направлять отчеты с мест только ему, никоим образом не передавая другим ведомствам. Кто конкретно имелся в виду, видно из циркулярного письма гауляйтера Гессера-Нассеа, которое запрещало функционерам партии информировать контакты со службой безопасности (СД).

Государственная тайная полиция (гестапо) начала представлять отчеты о настроениях населения с конца 1933 г. Ее первый шеф Рудольф Дильс тоже требовал от партийных функционеров "непричесанной" объективной информации.

С 1934 г., когда Гиммлер возглавил карательные органы режима, в сфере сбора информации произошло известное перераспределение полномочий. На службу разведки и контрразведки (СД) наряду с задачей подавления оппозиционных элементов, был возложен и надзор за настроениями населения. Сеть СД к концу 30-х годов насчитывала тысячи осведомителей (как правило, нештатных). Их ранжировали по категориям: доверенные лица, агенты, поставщики сведений, помощники, ненадежные. Данные, стекавшиеся с мест в штаб-квартиру СД, классифицировались по сложности и важности, а затем направлялись к Гитлеру. В 1938 г. Гиммлер возложил на себя задачу по организации и анализу информации. Из отраслевых анализировались затем общий отчет. К его редактированию привлекались чиновники центрального аппарата — юристы, врачи, педагоги, экономисты, журналисты.

В ряду специалистов внутреннего отдела СД наиболее заметной фигурой был штандартен-фюрер (полковник) Отто Олендорф. Он занял этот пост в 1939 г. в возрасте 32 лет. Олендорф был человеком с широким кругом интересов (Лейбница, Гегеля, Гете и Платона), защитил диссертацию по юриспруденции. Затем возглавил Институт мирового хозяйства в Киле, а с 1938 г. управлял также делами имперского объединения немецкой торговли. В 1942 г. — Кальтенбруннер. По свидетельству Вальтера Шлендербора, руководителя внутреннего отдела СД, Кальтенбруннер опирался на эти

безопасности (т.н. айнзацгруппы), созданные для "очистки" оккупированных советских территорий от "враждебных элементов".

В этом качестве Олендорф руководил работами по созданию 92 тысяч советских военнопленных и гражданских лиц, включая многие тысячи женщин и детей (большинство жертв составляли евреи). За военные преступления и преступления против человечности он был в 1951 г. повешен по приговору американского военного суда.

Свои взгляды на задачи отдела внутреннего наблюдения СД Олендорф изложил в доверительной беседе с личным врачом Гиммлера Керстеном. "Отчеты о настроениях", по его мнению, должны показывать, как население реагирует на правительственную политику, какие мероприятия, в частности и особенности, вызывают оппозицию.

Помимо того, как генеральный штаб армии нуждается в постоянном притоке информации, которая позволяет правильно оценивать положение на фронте, руководство партии должно знать о реакции народа на его решения — даже если она не по вкусу. Информационная служба СД — в высшей степени важный объективный инструмент. Нельзя, чтобы сотрудничество с деформированной информацией, руководствуясь какими бы то ни было соображениями. СД, естественно, интересуется не истиной, а общей картиной, складывающейся в итоге обработки и анализа впечатлений осведомителей.

Олендорф считал, что информирование руководства рейха должно осуществляться без оглядки на национал-социалистическое мировоззрение — именно так оно будет лучше всего служить целям национал-социализма. Однако его "объективности" неоднократно вызывал конфликт с идеологическим РСХА, которое пыталось изменить лог составления отчетов или вообще прекратить их представление. Олендорф констатировал: "Рейхсфюрер (Гиммлер — С.М.) хочет, в сущности, иметь раздельную службу, которая будет поставлять ему достоверные, оптимистические сообщения. Однако это невозможно, ибо чем более кризисной становится ситуация, тем мрачнее "отчеты".

В конце 1944 г. заместитель Гитлера по партии Мартин Борман распорядился прекратить всякое сотрудничество партийной канцелярии с внутренним отделом СД. Олендорфу пришлось склонить голову. Отчеты о настроениях по-прежнему составлялись и рассылались по утвержденному списку, но обобщенные негативные оценки более не допускались.

Кто и как использовал информацию о настроениях

Потребности ее было сравнительно немного, что и понятно, учитывая сугубо секретный характер сведений. Первым с отчетами внутреннего отдела СД ознакомился начальник РСХА (Гейдрих, а после убийства его в 1942 г. — Кальтенбруннер). По свидетельству Вальтера Шлендербора, руководителя внутреннего отдела СД, Кальтенбруннер опирался на эти

Об этом вспоминал после войны Фриц Видеман, его военный адъютант в 30-е годы. Одним из обязанностей Видемана было устно резюмировать содержание присланных фюреру бумаг, поскольку у того не было времени читать их. Где-то в 1936 г. в очередном отчете СД или гестапо сообщалось об апатии и фатализме, проявляющихся в обществе. После первых же фраз Гитлер оборвал адъютанта: "Настроения народа не плохие, а хорошие. Мне лучше знать это. Его против меня не надо читать. Обстоятельства вынуждают меня в течение десятилетия говорить исключительно о мире" — отметил, что одним из них были настроения в немецком обществе.

В другой, закрытой речи перед партийными функционерами он потребовал принять меры для изменения положения. "Пусть никто не докладывал мне, что в его окружении, районе, группе, ячейке настроения плохие. Носителями — ответственными носителями — настроений являются вы".

Однако чем хуже шли дела, тем меньше становились готовности Гитлера смотреть в глаза фактам. Характерна в этом смысле его резолюция от 23 марта 1943 г. на совещании "органов" об упавших настроениях населения: "Если бы то, что люди постоянно говорят, было бы правдой, то мы бы давно уже давно были бы проиграны. Однако истинные взгляды народа лежат много глубже, они основываются на прочном внутреннем мировоззрении. Если бы это было не так, все наши достижения были бы несбыточными".

Еще отчетливее проступает этот самозащитный в его высказываниях 1944 г., приводемом Шлендербора. В связи с массовыми бомбардировками немецких городов авиацией союзников, которые вызвали огромные разрушения и жертвы и тяжело отразились на моральном состоянии немцев, Гитлер бросил: "Эти воздушные налеты мне ничем не мешают. Чем меньше людей остается, тем фаталистичнее они будут думать".

Такой фаталистический был настроен фанатиком национал-социализма и тех, кто считал, что совершено им не оставило никакого выбора. Но большинство немцев было озабочено другим — как пережить надвигающееся поражение и уклониться от ответственности за действия режима, который по разным соображениям и в разной мере поддерживал.

Сказанное, на наш взгляд, показывает, что в тоталитарных диктаторских режимах информация о настроениях населения либо не доходит до властей, либо препарируется применительно к их вкусам, либо просто игнорируется. Обратная связь отсутствует или действует с перебоями.

Гнашь самотонку я навучилася дауно. Як толькі пабудавалі сваю хату і адзіліліся ад бацькоў, сказаў свайму Антосю: — Трэба патроху існуць гарэлку. Справа гэта ніхтара, ды і попыт на такі прадукт заўсёды ёсць. Прада, раней пілі не так, як цяпер, а раней і талы міма рота чарку не праносілі.

— Пападзёся яшчэ. Штраф заплацім, — ён маю ініцыятыву нібыта не пацярпілі. Чыю ты раней часу плача? Ну, і заплацім, калі трэба будзе. А можа, пранясё. Не ўсё ж пападоўна. А да нашага спілага заробку прыварак нейкі будзе.

Што і казаць, грошы мы атрымалішчэй у школе працавала, а ён у камуназе сфармаваў. Хоць і ў райцэнтры жыві, але трымаў такую-сякую гаспадарку. Не галалі, канешне, але ж хацелася большага. Я ўзяла ініцыятыву ў свае рукі. Сама расчысціла брану, сама і выгнала, калі самотонку гнаць. Антос толькі дамагаву. Ён і каштаваў яе, як цяпер кажуць, дэзугатарам быў, бо я гэты брану і няхаць не магу, не тое што піць.

Мы завешвалі пэсілкамі вокны кухні, устанавілі самотонку апарат, і ноч напярэці ў слокі цурчала смярлачужая вадкасць, за якую п'яніцы гатовы былі адыць апошняе кашулю.

Антос каштаваў прадукт, ак паку, чым заўсёды пры тым апярэ. Мы з сынамі цярпелі ў яго спальню, распрадалі і калі апярэчывалі. Дзякуючы пры апярэ заставалася я. Хлопцы ўжо ў школу хадзілі, калі мы заняліся гэтым промыслам. Андрэй быў у восьмым класе, а Славік у сёмым. А калі старэйшы перайшоў у дзевятую, то мне нечакана выйшла ў школу і нібы вядома халодная вадка на галаву выплі. Аказваецца, мой сыноч прызычыўся ўжо піць і курчы. Аднойчы вечарам разам з такімі ж падшыванымі, як і сам, прычліліся да дарослага чалавека і спрабавалі адабраць грошы.

Німаля здарыўся і грошай каштаваў мяне і іншымі, каб уладзіць таго чалавека, каб не судзілі нашых сыноў. А дома, калі бацька, даведваючыся пра гэта, скапіўся за папругу, сын рэзанаў:

— А вы лепшыя? Самі гарэлку гоніце і прадаеце, то нехта ж павінен і яе піць.

Антос вышпугіў з рук папругу. — Усё, Кацярына, — скажу ўсё мне пазней, калі дзяцей не было дома. Трэба зачыніць брану. Бачыш, што робішча?

— А што такое робішча? Падумаеш, выплі недзе хадзіць. Ці яны першыя, ці апошнія? Цяпер усё п'юць. А хіба мы так абжыліся, каб не гэта, як ты кажаш, брану? Мабла новую купілі, вярнуць, матышкі новыя табе нядаўна прыдалі. А хлопцы растуць, жаніць неўзабаве трэба будзе. Дзе грошай возьмем?

— Пакуль жаніць, то вышпугіць іх спачатку трэба, каб спецыяльнасцю якую мелі, — запярэў Антос.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

— Ну, тым больш. Выдаткі вялікія, а заробак наш які? Мы так размаўлялі, планавалі, а бада ўжо стаўла лідара: праз тыдзень разбіўся на матышцы мой Антос. П'яны ехаў і ўрэзаўся ў сугрунчую машыну. Ды так моцна, што і сам насмерці разбіўся і матышцы той — ушчыт.

Пагаварвала я, а жыць трэба. Не тое, каб зачыніць брану, яшчэ больш вытворчасць развіва. Ілі гадзі, Андрэй вышпугіў на трактарыста, адслухуў у арміі, ажаніўся і разам з жонкай жыў на Гомельшчыне. Добрая дзяўчына трапілася, настаўніца ў школе працавала. Як яны там жылі, асабліва і не ведаю. Пісалі рэзка, прыязналі яшчэ рэзалі. У мяне тут сваіх клопатаў — малодшы, Славік, працаваў аграхомам у суседнім калгасе і пазнаў смак гарэлкі. Больш таго, звязваўся з замужай жанчынай, маці траіх дзяцей. Ад людскіх плетак ды папрокаў на вуліцу нельга было выйсці. Павінна сказаць, што мяне ў нашым гарадку і так не любілі. За гэты самы брану. Але мяне ніхто не заўважваў. Можна, шыкавалі, што ўлада, ці па якой іншай прычыне, але мяне ніхто не чапаў.

Цяпер людзі бедныя, асабліва гэтыя п'яніцы. Прыйдзе, бывае, каторы, трашча, як асінавы ліст: дай памахацца.

— Плашчч мяшч чым? — пытаю.

— А прадуктамі можна ці адзеннем? — Нясе ўжо, што з табой зробіш.

І цягалі яны мне ўсё-ўсялякае: бульбу, мяса, вярпакат. Нешта сама скарыстоўвала, а што праз знаёму бабуйку на рынку збыла. Жывая калейка ў хату ішла.

Здавалася, што п'яніцы ўсё гэтак добра крадуць у сваіх сем'ях ці ў суседзяў. Але мне да гэтага ніякай справы не было.

Аднойчы вясеннім надвечоркам бранула ў сенях кляма, і праз якую хвіліну на парозе з'явілася немалая, бедна апранутая жанчына. Выглядала яна італьянкай, але твар быў не столькі спакатываны, вялікія вочы сядзелі так глыбока, што нават мае сэрца працяжваў. Я пасадзіла яе на табуртку, бо няшчасная ледзь трымалася на ногах.

— Гэты свігэр, што цяпер апрануты на вас, мой, — сабраліся апошнімі сілы, ціха прамовіла жанчына.

— Як гэта вы? — не разумела я. — Раз ён на мне апрануты, то мой, — запярэчыла.

— Мой сын-п'яніца прынес яго вам за бутэльку самотонкі. Мы жывём у суседняй вёсцы, перасяленыя з чарнобыльскай зоны. Летась муж памёр ад акалатнага захворання. Я таксама здарова не маю. А наш адзіны сын спіўся. Скончыў інстытут, працаваў у Мінску на заводзе, меў сям'ю. Але спіўся і адуоль не вытні. Прыехаў жыць да мяне. Што я толькі ні рабіла, каб адуць яго да гэтай зарызы. Нейкі месяц не было ў нас грошай, і ён не піў. Але нешта пакажы, што ў вас можна куляць самотонку не толькі за грошы, але і мяншчэ на прадукты і вярпакат. І цяпер ён ніколі не бывае цявэрозны.

Жанчына памахаўла, акуратай насавачняй выцерла слёзы на упальных шчокках. А потым абавязалася эню:

— Падумаеце, што вы робіце? Колкі гора прыносіце людзям.

— Я нікому ў рот сілай не лью. Самі просьце, дзеце не на калені становіцца. Не шукаеце вінаватых. Трэба было як след выхоўваць свайго сына, — ажно павысіла голас я.

— Дарэмна прышла. Не атрымалася ў нас размовы. Але ведаю, вы будзеце выдатныя.

— Я нікому ў рот сілай не лью. Самі просьце, дзеце не на калені становіцца. Не шукаеце вінаватых. Трэба было як след выхоўваць свайго сына, — ажно павысіла голас я.

— Дарэмна прышла. Не атрымалася ў нас размовы. Але ведаю, вы будзеце выдатныя.

— Я нікому ў рот сілай не лью. Самі просьце, дзеце не на калені становіцца. Не шукаеце вінаватых. Трэба было як след выхоўваць свайго сына, — ажно павысіла голас я.

— Дарэмна прышла. Не атрымалася ў нас размовы. Але ведаю, вы будзеце выдатныя.

— Я нікому ў рот сілай не лью. Самі просьце, дзеце не на калені становіцца. Не шукаеце вінаватых. Трэба было як след выхоўваць свайго сына, — ажно павысіла голас я.

— Дарэмна прышла. Не атрымалася ў нас размовы. Але ведаю, вы будзеце выдатныя.

— Я нікому ў рот сілай не лью. Самі просьце, дзеце не на калені становіцца. Не шукаеце вінаватых. Трэба было як след выхоўваць свайго сына, — ажно павысіла голас я.

— Дарэмна прышла. Не атрымалася ў нас размовы. Але ведаю, вы будзеце выдатныя.

дайце: вы некалі заплаціце за чужыя слёзы.

— Ідзі ўжо, ідзі, не паховай. У мяне свой сын п'яніца.

— У вас каменныя сэрца! — са здзіўленнем азірнулася яна і пайшла за дзверы.

Вось жа дзянік выдаўся тады, вось жа дзянік! Вечарам прыбывае суседская дзяўчынка Вера і як зачыніць з парог:

— Цётка! Ваш Славік упаў у гразь акурат насупраць нашай хаты, і яго так трасе, так калюць — жа! А з рота пена... Мой дзеда ўбачыў і кажа: гэта падлая, а мама — што эпілепсія, з-за таго, што шмат гарэлкі п'е. А мама ж мая доктар. Яна ўсё ведае, — тараторыла дзяўчынка, бегучы за мной. Без ботаў і курткі, у адных пакаёвых тапках і хатнім халатце я белга па гразі ўбачыла таско, што не дай Бог убачыць ніводнай машыны.

Прыпадэк зачынуўся, але Славік усе роўна забраў у балішну. Доктар сказаў, як адразу:

— Будзе піць спіртное, прыпадкі неминучыя, а за імі і смерць.

Назаўтра я павіла самагонны апарат, выкінула ўсе прычыналы і зарэкалася больш ніколі не гнаць гэтай атруты.

За чужыя слёзы, — гучалі ў вухах словы той няшчаснай маці. — За чужыя слёзы.

Хоць і пакалялася я, Славік мой піць не перастаў. Праз месяц з ім эню здарыўся прыпадэк. Нікога побач не было. Ён упаў проста ў лужыну і зачынуўся.

На пахаванне прыехала нявестка.

— А чаму ж Андрэй няма? — спыталася я, як толькі малаліца прыйшла ў мяне.

Потым расказваў, — схаваў яна вочы.

Гэта мяне вельмі настрыгожыла, але за такім вялікім горам усё выцесцела з галавы. І толькі пасля пахавання, калі Ніка ад'язджаў, я эню спытала, дзе Андрэй.

— П'е ён, — коротка паведала.

— Божажкі літасвайся, што ж гэта за кажа — залілася я ружу. — І моцна п'е? Даўно?

